

Сметана Владимир Васильевич,
кандидат философских наук, директор,
5.7.1. Онтология и теория познания (философские науки)
АНО НИИ «ЦИФРОВОЙ ИНТЕЛЛЕКТ»,
Москва, Россия
Vladimir smetana
Candidate of philosophical sciences, PhD,
DIGITAL INTELLIGENCE RESEARCH INSTITUTE,
Moscow, Russia

**ПОСТЧЕЛОВЕК КАК КИБОРГ: ДЕКОНСТРУКЦИЯ ГРАНИЦ
И ДУАЛИЗМОВ В «МАНИФЕСТЕ КИБОРГОВ» ДОННЫ ХАРАУЭЙ
THE POSTHUMAN AS CYBORG: DECONSTRUCTING BOUNDARIES
AND DUALISMS IN DONNA HARAWAY'S A CYBORG MANIFESTO**

Аннотация: В данной статье исследуется концепция «постчеловека» в контексте критической теории, с акцентом на фигуру киборга, представленную в «Манифесте киборгов» Донны Харауэй. Рассматривается историко-философский контекст возникновения этой концепции, включающий развитие научной фантастики, кибернетики, биомедицинских технологий, а также влияние идей Ницше, феминистской теории и постструктурализма.

Центральное внимание уделяется анализу «Манифеста киборгов» как текста, деконструирующего фундаментальные дуализмы западной мысли: человек/машина, природа/культура, мужчина/женщина. Показано, как киборг, будучи гибридным существом, стирает эти границы и открывает путь к новым формам телесности, идентичности и социальных отношений. Подчеркивается, что киборг в понимании Харауэй – это не футуристический образ технологически модифицированного человека, а, скорее, иронический политический миф, позволяющий критически осмыслить современное состояние человека и его отношения с технологиями.

В статье также анализируется влияние концепции киборга на понимание постчеловеческой телесности и идентичности. Рассматриваются различные аспекты киборгизации, от физических модификаций тела (протезирование, имплантаты, генная инженерия) до влияния информационных технологий на сознание (интернет, социальные сети, виртуальная реальность).

Кроме того, в статье рассматривается критика «Манифеста киборгов» (обвинения в технологическом детерминизме, недооценке социальных и экономических факторов, проблематизации власти и неравенства) и развитие идей Харауэй в работах других авторов (Н. Кэтрин Хейлз, Роза Брайдотти, Кевин Уорик). Проводится связь концепции киборга с другими постгуманистическими течениями (трансгуманизм, новая материальность) и подчеркивается ее значение как инструмента критики антропоцентризма и капитализма.

Abstract: This article explores the concept of the “posthuman” in the context of critical theory, with an emphasis on the figure of the cyborg as presented in Donna Haraway’s “Cyborg Manifesto.” It examines the historical and philosophical context of the concept’s emergence, including the development of science fiction, cybernetics, biomedical technologies, as well as the influence of Nietzsche’s ideas, feminist theory, and poststructuralism.

The central focus is on the analysis of the “Cyborg Manifesto” as a text that deconstructs the fundamental dualisms of Western thought: human/machine, nature/culture, male/female. It shows

how the cyborg, as a hybrid being, erases these boundaries and opens the way to new forms of corporeality, identity, and social relations. It is emphasized that the cyborg in Haraway's understanding is not a futuristic image of a technologically modified person, but rather an ironic political myth that allows us to critically understand the modern human condition and its relationship with technology.

The article also analyzes the influence of the cyborg concept on the understanding of posthuman corporeality and identity. Various aspects of cyborgization are considered, from physical modifications of the body (prosthetics, implants, genetic engineering) to the influence of information technologies on consciousness (the Internet, social networks, virtual reality).

In addition, the article considers the criticism of the "Cyborg Manifesto" (accusations of technological determinism, underestimation of social and economic factors, problematization of power and inequality) and the development of Haraway's ideas in the works of other authors (N. Katherine Hayles, Rosi Braidotti, Kevin Warwick). The concept of the cyborg is connected with other posthumanist movements (transhumanism, new materiality) and its importance as a tool for critiquing anthropocentrism and capitalism is emphasized.

Ключевые слова: постчеловек, киборг, Донна Харауэй, Манифест киборгов, критическая теория, постгуманизм, деконструкция, дуализм, телесность, идентичность, технологии, феминизм, трансгуманизм.

Keywords: posthuman, cyborg, Donna Haraway, Cyborg Manifesto, critical theory, posthumanism, deconstruction, dualism, corporeality, identity, technology, feminism, transhumanism.

Глава 1. Историко-философский контекст концепции киборга

Концепция киборга, занимающая важное место в современных дискуссиях о постчеловеке и технологическом будущем, имеет сложную и многогранную историю.

1.1. Понятие «киборг» в научной фантастике и науке.

Термин «киборг» (сокращение от «кибернетический организм») вошел в обиход относительно недавно, но сама идея слияния человека и машины имеет гораздо более глубокие корни, уходящие в мифологию и литературу.

Задолго до появления термина «киборг», в литературе и искусстве существовали образы существ, сочетающих в себе черты человека и машины. Минотавр, кентавры, големы – все эти мифические существа могут рассматриваться как своего рода протокиборги. В эпоху промышленной революции, с развитием механики и автоматики, появляются литературные произведения, описывающие искусственных людей и человекоподобные машины. Одним из самых ярких примеров является роман Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» (1818) [1], в котором созданное ученым существо, собранное из частей мертвых тел и оживленное с помощью электричества, представляет собой своеобразный предтеча киборга. В XX веке, с развитием научной фантастики, образ киборга становится все более популярным. В рассказах и романах Айзека Азимова, Филипа К. Дика, Уильяма Гибсона и других авторов киборги предстают как в качестве положительных героев, так и в качестве антагонистов, поднимая вопросы о границах человеческого, о соотношении природы и технологии, о последствиях технологического прогресса. В кинематографе образ киборга получил широкое распространение благодаря таким фильмам, как «Робокоп», «Терминатор», «Бегущий по лезвию» и др.

Научной основой для появления концепции киборга стало развитие кибернетики – науки об управлении и связи в живых организмах и машинах. Основоположник кибернетики Норберт Винер в своей книге «Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине» (1948) [2] исследовал общие принципы функционирования систем управления, независимо от

их природы (биологической или технической). Кибернетика заложила основы для понимания живых организмов как сложных систем, способных к саморегуляции и адаптации, и открыла путь к созданию искусственных систем, имитирующих функции живых организмов. Параллельно с развитием кибернетики шло развитие биомедицинских технологий, направленных на создание искусственных органов, протезов и имплантатов. Первые кардиостимуляторы, искусственные почки, слуховые аппараты – все это стало возможным благодаря достижениям биомедицины и кибернетики.

Сам термин «киборг» был введен в 1960 году Манфредом Клайнсом и Натаном Клайном в статье, посвященной проблемам адаптации человека к условиям космического пространства [3]. Они предложили использовать фармакологические и инженерные средства для создания «кибернетического организма», способного выживать в экстремальных условиях без необходимости в громоздких скафандрах и системах жизнеобеспечения. Хотя эта идея не получила широкого распространения в космонавтике, она стимулировала интерес к проблеме интеграции человека и машины. Одним из первых реальных примеров киборгизации можно считать создание кохлеарного импланта – устройства, восстанавливающего слух у глухих людей путем прямой стимуляции слухового нерва. Развитие протезирования также внесло свой вклад в формирование представлений о киборге. Современные протезы, управляемые с помощью биоэлектрических сигналов, позволяют людям с ограниченными возможностями не только восстанавливать утраченные функции, но и, в некоторых случаях, превосходить возможности обычного человека.

1.2. Философские предпосылки концепции киборга.

Концепция киборга имеет не только научные, но и глубокие философские корни. Она связана с критикой традиционных философских представлений о человеке и его месте в мире.

Традиционная западная философия, начиная с Платона, проводила четкое различие между душой и телом, рассматривая душу как бессмертную и нематериальную сущность, а тело – как брешьную и несовершенную оболочку. Рене Декарт в своей философии [4] довел этот дуализм до крайности, утверждая, что человек – это мыслящая субстанция (*res cogitans*), соединенная с протяженной субстанцией (*res extensa*), то есть с телом. Однако уже в XVII веке Бенедикт Спиноза [5] подверг критике картезианский дуализм, утверждая, что мышление и протяженность – это два атрибута одной и той же субстанции, то есть Бога или Природы. Спиноза рассматривал человека как модус этой субстанции, не разделяя его на душу и тело. Критика дуализма души и тела стала важной предпосылкой для формирования концепции киборга, которая предполагает интеграцию «духовного» (информационного) и «телесного» (материального) в единое целое.

Философия Фридриха Ницше [6], с его критикой традиционной морали и провозглашением «смерти Бога», оказала значительное влияние на формирование постгуманистических идей, в том числе и на концепцию киборга. Ницшеанский «сверхчеловек» – это не биологически усовершенствованный человек, а тот, кто преодолел ограниченность человеческой природы, создал новые ценности и смыслы. Хотя Ницше не говорил о технологическом «улучшении» человека, его идеи о преодолении границ человеческого и создании нового типа существа вдохновили многих мыслителей XX века.

Феминистская теория, особенно феминизм второй волны (1960-1980-е гг.), сыграла важную роль в формировании контекста, в котором появилась концепция киборга. Феминистки подвергли критике патриархальное общество, основанное на доминировании мужчин и подчинении женщин, а также на бинарных оппозициях (мужское/женское, разум/тело, культура/природа), которые закрепляли иерархические отношения между полами. Симона де Бовуар в своей книге «Второй пол» (1949) [7] утверждала, что «женщиной не

рождаются, ею становятся», подчеркивая социальную сконструированность гендера. Феминистская критика патриархального общества и гендерных стереотипов подготовила почву для появления концепции киборга как фигуры, преодолевающей границы пола и гендера.

1.3. Донна Харауэй и ее интеллектуальный контекст.

Донна Харауэй, автор «Манифеста киборгов» (1985) [8], является ключевой фигурой в развитии постгуманистической мысли. Ее концепция киборга сформировалась под влиянием различных интеллектуальных течений.

Харауэй, будучи феминисткой, разделяла критику патриархального общества и гендерных стереотипов, характерную для феминизма второй волны. Однако она также критиковала эссенциализм, присущий некоторым феминистским течениям, которые утверждали существование некой «женской сущности» или «женского опыта». Харауэй выступала за признание множественности и разнообразия женского опыта, а также за преодоление бинарной оппозиции мужское/женское.

Харауэй имеет образование в области биологии и истории науки. Ее научные интересы включали приматологию, эволюционную биологию и историю развития науки. Эти исследования позволили ей критически взглянуть на традиционные представления о природе и о границах между человеком и животным. Она утверждала, что наука не является нейтральным и объективным знанием, а всегда социально и культурно обусловлена.

Таким образом, на формирование концепции киборга Харауэй оказали влияние идеи постструктурализма, особенно работы Мишеля Фуко и Жака Деррида. Фуко, с его анализом власти, знания и дискурса, показал, как социальные институты формируют субъекта и определяют границы «нормальности». Деррида, с его методом деконструкции, продемонстрировал неустойчивость и противоречивость бинарных оппозиций, лежащих в основе западного мышления. Эти идеи нашли отражение в «Манифесте киборгов», в котором Харауэй деконструирует границы между человеком и машиной, природой и культурой, мужчиной и женщиной.

Глава 2. «Манифест киборгов»: деконструкция границ и дуализмов

2.1. Основные положения «Манифеста киборгов».

«Манифест киборгов» – это не просто философский трактат, а, по выражению самой Харауэй, «иронический политический миф», «богохульная фантазия» [8], призванная расшатать привычные представления о человеке, природе, технологии и гендере.

Харауэй начинает с критики некоторых течений феминизма, которые, по ее мнению, впадают в эссенциализм, то есть утверждают существование некой неизменной «женской сущности» или «женского опыта». Она отвергает идею о том, что все женщины объединены общей идентичностью, основанной на биологическом поле или общем опыте угнетения. Вместо этого, Харауэй призывает к признанию множественности и разнообразия женского опыта, а также к построению коалиций, основанных на общих политических целях, а не на эссенциалистском понимании женственности.

Харауэй предлагает использовать образ киборга – гибрида человека и машины – как метафору для описания современного состояния человека и как инструмент политической борьбы. Киборг – это не футуристический монстр, а скорее иронический образ, позволяющий переосмыслить наши отношения с технологиями и друг с другом. Он «богохулен», потому что нарушает священные границы между природой и культурой, человеком и машиной, органическим и неорганическим. Киборг – это «дитя» позднего капитализма, информационной эпохи и новых технологий, но в то же время он обладает потенциалом для эмансипации и создания новых форм солидарности.

Ключевая идея «Манифеста» заключается в том, что киборг разрушает три фундаментальных дуализма, лежащих в основе западной мысли:

• *Человек/животное*: Харауэй критикует антропоцентризм, который ставит человека на вершину иерархии живых существ и наделяет его исключительными правами. Она указывает на то, что границы между человеком и животным всегда были размытыми и проницаемыми (например, в мифологии, в практике одомашнивания животных, в современных биотехнологиях). Киборг, с его смешанной природой, окончательно стирает эту границу.

• *Человек/машина*: Традиционно машина рассматривалась как нечто чуждое человеку, как инструмент, который он использует для своих целей. Харауэй утверждает, что технологии стали неотъемлемой частью нашей жизни, они формируют нашу телесность, наше сознание, наши социальные отношения. Киборг – это не просто человек, использующий машину, а существо, в котором человек и машина неразрывно связаны.

• *Физическое/нефизическое*: С развитием информационных технологий граница между физическим и нефизическим (информационным) становится все более размытой. Виртуальная реальность, киберпространство, сети коммуникации – все это создает новые формы существования, которые не сводятся к физической реальности. Киборг, с его способностью существовать как в физическом, так и в информационном пространстве, воплощает эту новую реальность.

2.2. Киборг и преодоление дуализма человек/машина.

Один из центральных аспектов концепции киборга – это преодоление дуализма человек/машина. Харауэй выступает против как антропоцентризма, который рассматривает машину как нечто низшее и подчиненное человеку, так и технофобии, которая видит в машинах угрозу для человеческой сущности.

Харауэй утверждает, что и антропоцентризм, и технофобия основаны на ложном представлении о человеке как о некоем автономном и самодостаточном существе, противостоящем миру машин. Она призывает к признанию того, что человек всегда был «технологическим» существом, что технологии всегда были частью нашей эволюции и нашего способа существования.

Технологии не просто инструменты, которые мы используем, но и факторы, которые формируют нас. Они влияют на наше восприятие мира, на наши социальные отношения, на нашу телесность и наше сознание. От простейших орудий труда до современных компьютеров и биотехнологий – технологии всегда были неотъемлемой частью человеческой жизни.

Киборг, как гибрид человека и машины, представляет собой возможность переосмыслить наши отношения с технологией. Он позволяет нам увидеть в технологии не угрозу, а потенциал для расширения наших возможностей, для создания новых форм жизни и новых форм солидарности. Вместо того, чтобы бояться машин, мы должны научиться жить с ними в симбиозе, использовать их для достижения наших целей, но при этом осознавать и контролировать их влияние на нас. Харауэй пишет: «Мы все – химеры, теоретизированные и сфабрикованные гибриды машины и организма; короче, мы – киборги» [8].

2.3. Киборг и преодоление дуализма природа/культура.

Еще один важный аспект концепции киборга – это преодоление дуализма природа/культура. Традиционно природа рассматривалась как нечто естественное, неизменное, первичное, а культура – как нечто искусственное, созданное человеком, вторичное.

Харауэй критикует эссенциалистское понимание природы, которое предполагает существование некой неизменной «природной сущности», отделенной от культуры и человека. Она утверждает, что природа всегда была социально сконструированной, что наши представления о природе формируются под влиянием наших культурных ценностей, наших научных знаний, наших технологических возможностей.

Природа и культура не являются двумя отдельными и противоположными сферами. Они находятся в постоянном взаимодействии и взаимопроникновении. Культура влияет на

природу (например, через антропогенное воздействие на окружающую среду), а природа влияет на культуру (например, через климатические условия, природные ресурсы).

Киборг, с его смешанной природой, является ярким примером гибридности, преодоления бинарных оппозиций. Он не принадлежит ни к миру природы, ни к миру культуры в чистом виде, а представляет собой их синтез. Киборг показывает, что граница между естественным и искусственным, между природой и культурой является условной и проницаемой.

2.4. Киборг и преодоление дуализма мужчина/женщина.

Наконец, киборг играет важную роль в преодолении дуализма мужчина/женщина, который является одним из самых фундаментальных в западной культуре.

Харауэй, как и другие феминистки, критикует гендерный эссенциализм, то есть представление о том, что существуют некие неизменные «мужские» и «женские» качества, обусловленные биологическим полом. Она отвергает патриархальные стереотипы, которые приписывают мужчинам рациональность, силу, доминирование, а женщинам – эмоциональность, слабость, подчинение.

Киборг, с его гибридной телесностью, не вписывается в традиционную гендерную бинарность. Он не является ни мужчиной, ни женщиной в привычном смысле слова. Это открывает возможность для освобождения от диктата биологического пола, для построения новых идентичностей, не ограниченных гендерными стереотипами. Как пишет Харауэй, «киборг – это существо в постгендерном мире» [8].

Таким образом, концепция киборга позволяет по-новому взглянуть на проблему гендерной идентичности. Если тело не является биологической данностью, а может быть сконструировано и модифицировано, то и гендер не является чем-то неизменным и предопределенным. Киборг открывает пространство для множественности гендерных идентичностей, для экспериментирования с телом и самовыражением, для создания новых форм сексуальности и отношений.

Глава 3. Киборг как метафора постчеловеческой телесности и идентичности

3.1. Телесность киборга: от протезирования к биотехнологиям.

Концепция киборга неразрывно связана с идеей изменения и преодоления границ человеческого тела. Технологии, изначально создававшиеся для компенсации утраченных функций, открывают путь к расширению возможностей и даже к созданию новых форм телесности.

История человечества – это история взаимодействия с технологиями, которые так или иначе изменяли наше тело. От простейших орудий труда, усиливающих физические возможности, до одежды, защищающей от неблагоприятных условий, – технологии всегда были продолжением нашего тела. В XX и XXI веках развитие технологий, особенно в области медицины и биоинженерии, привело к появлению принципиально новых возможностей для модификации человеческого тела.

Протезирование, изначально направленное на замену утраченных конечностей, вышло на новый уровень благодаря развитию биоэлектроники и нейроинтерфейсов. Современные протезы не просто имитируют внешний вид и функции утраченных органов, но и управляются непосредственно сигналами мозга, позволяя человеку ощущать прикосновения и контролировать движения с высокой точностью [9]. Имплантаты – устройства, вживляемые в тело для выполнения различных функций, – также становятся все более распространенными. Кардиостимуляторы, кохлеарные импланты, искусственные хрусталики глаза – все это примеры технологий, которые уже сегодня помогают людям восстанавливать утраченные функции или улучшать работу органов. Генная инженерия открывает еще более радикальные возможности для изменения человеческого тела. Редактирование генома, теоретически,

позволяет не только избавляться от наследственных заболеваний, но и изменять физические и когнитивные характеристики человека, что поднимает сложные этические вопросы.

3.2. Киборг и проблема идентичности.

Изменения, происходящие с телом киборга, неизбежно влияют на его идентичность – на то, как он воспринимает себя и как его воспринимают другие.

Киборг, с его гибридной телесностью, представляет собой воплощение изменчивости и множественности идентичности. Он не ограничен жесткими рамками биологического пола, возраста или физических возможностей. Его идентичность формируется в процессе взаимодействия с технологиями, в процессе постоянного самоконструирования и самопреодоления.

Технологии не просто изменяют наше тело, но и влияют на наше самосознание. Протезы и имплантаты становятся частью нашего телесного «Я», расширяя границы нашей личности. Опыт взаимодействия с виртуальной реальностью, социальными сетями, искусственным интеллектом также может оказывать существенное влияние на формирование нашего самосознания, порождая новые формы идентичности.

3.3. Информационные технологии и киборгизация сознания

Киборгизация затрагивает не только телесность, но и сознание человека. Развитие информационных технологий ведет к появлению новых форм взаимодействия с информацией, новых способов коммуникации и новых форм мышления.

Интернет и социальные сети можно рассматривать как своего рода «внешние протезы» нашего сознания. Они расширяют наши возможности по поиску, хранению и обработке информации, по общению с другими людьми, по самовыражению и самопрезентации. Мы делегируем часть наших когнитивных функций внешним устройствам и сетям, становясь все более зависимыми от них.

Виртуальная реальность и киберпространство создают новые среды обитания, в которых человек может взаимодействовать с информацией и другими людьми, не будучи ограниченным физическими рамками своего тела. Это открывает возможности для создания новых форм опыта, новых форм общения и новых форм идентичности. В то же время, виртуальная реальность может порождать и новые проблемы, связанные с зависимостью, отчуждением и утратой связи с реальностью.

Наиболее радикальные перспективы киборгизации сознания связаны с развитием искусственного интеллекта (ИИ) и возможностью загрузки сознания на цифровой носитель. Если удастся создать ИИ, сопоставимый по своим возможностям с человеческим мозгом, или научиться переносить сознание человека на компьютер, то это будет означать окончательное преодоление границ между человеком и машиной, между биологическим и искусственным.

Глава 4. Критика и развитие концепции киборга

4.1. Критика эссенциализма и утопизма в «Манифесте киборгов»

«Манифест киборгов», несмотря на свою значимость и влияние, не избежал критики. Основные направления критики касаются обвинений в технологическом детерминизме, недооценке социальных и экономических факторов, а также проблематизации власти и неравенства в потенциальном киборг-обществе.

Некоторые критики утверждают, что Харауэй приписывает технологиям слишком большую роль в формировании социальных отношений и идентичности, недооценивая влияние других факторов, таких как культура, экономика, политика [10]. Ее энтузиазм по поводу возможностей, открываемых киборгизацией, рассматривается как технологический детерминизм – представление о том, что технологии являются главной движущей силой общественного развития и что они неизбежно ведут к определенному будущему. Критики указывают, что технологии не являются нейтральными инструментами, а создаются и

используются в определенных социальных и политических контекстах, и их влияние на общество зависит от того, как они применяются и кем контролируются.

Другое направление критики связано с тем, что Харауэй, по мнению некоторых исследователей, уделяет недостаточно внимания социальным и экономическим факторам, которые могут влиять на развитие и распространение технологий киборгизации [11]. Критики указывают, что доступ к технологиям, изменяющим тело и сознание, скорее всего, будет неравномерно распределен, что может привести к углублению социального неравенства. Богатые и влиятельные люди смогут использовать технологии для улучшения своих возможностей, в то время как бедные и маргинализированные группы останутся за бортом этого процесса.

Наконец, «Манифест киборгов» критикуют за недостаточное внимание к проблеме власти и неравенства в потенциальном киборг-обществе [12]. Критики опасаются, что технологии киборгизации могут быть использованы для усиления контроля над людьми, для манипуляции их сознанием и поведением. Возникает вопрос: кто будет контролировать технологии и в чьих интересах они будут использоваться? Не приведет ли киборгизация к появлению новых форм угнетения и дискриминации?

4.2. Развитие идей Харауэй в работах других авторов.

Несмотря на критику, идеи Харауэй оказали огромное влияние на развитие постгуманистической мысли и были развиты и переосмыслены многими исследователями.

Н. Кэтрин Хейлз в своей книге «Как мы стали постчеловеками: Виртуальные тела в кибернетике, литературе и информатике» (1999) [13] развивает идеи Харауэй, исследуя трансформации человеческой телесности и идентичности в эпоху информационных технологий. Хейлз вводит понятие «постчеловеческого тела», которое характеризуется изменчивостью, множественностью и проницаемостью границ. Она анализирует, как кибернетика, информатика и литература способствовали формированию постчеловеческой перспективы, в которой тело рассматривается не как биологическая данность, а как информационный конструкт.

Рози Брайдотти, опираясь на идеи Харауэй, Делёза и Гваттари, разрабатывает концепцию «номадического субъекта» [14]. Номадический субъект – это субъект, находящийся в постоянном движении и становлении, не привязанный к фиксированным идентичностям и территориям. Он открыт к изменениям, к взаимодействию с другими людьми и нечеловеческими акторами. Брайдотти рассматривает киборга как одну из возможных форм номадического субъекта, способного преодолевать границы и создавать новые связи.

Кевин Уорик – британский ученый, известный своими экспериментами по киборгизации самого себя [6]. Он вживил себе в руку чип, позволяющий ему взаимодействовать с компьютером и другими электронными устройствами. Уорик рассматривает свои эксперименты как шаг на пути к созданию киборгов и к расширению возможностей человека. Его работы вызывают споры и обсуждения в научном сообществе и обществе в целом, поднимая вопросы о границах допустимого вмешательства в человеческую природу и о последствиях киборгизации.

Заключение

Концепция киборга, предложенная Харауэй, является не описанием футуристической реальности, а скорее ироническим политическим мифом и мощным инструментом для деконструкции устоявшихся философских и социальных категорий. Анализ историко-философского контекста показал, что идея слияния человека и машины имеет давние корни, но именно развитие кибернетики, биомедицинских технологий, а также критика дуализма, эссенциализма и патриархата в рамках феминистской теории и постструктурализма создали интеллектуальную почву для появления «Манифеста».

Ключевым положением «Манифеста киборгов» является утверждение о том, что киборг разрушает фундаментальные дуализмы западной мысли: человек/машина, природа/культура, мужчина/женщина. Киборг, будучи гибридным существом, не вписывается в эти бинарные оппозиции, тем самым подрывая их легитимность и открывая путь к новым формам мышления и существования. Харауэй предлагает использовать образ киборга для критики антропоцентризма, технофобии, эссенциалистского понимания природы и гендерных стереотипов.

Рассмотрение киборга как метафоры постчеловеческой телесности и идентичности выявило, что киборгизация затрагивает не только физическое тело человека (через протезирование, имплантаты, генную инженерию), но и его сознание (через интернет, социальные сети, виртуальную реальность и перспективы создания искусственного интеллекта). Это ставит сложные вопросы об изменчивости и множественности идентичности, о влиянии технологий на самосознание, а также о проблеме аутентичности и «естественности» в постчеловеческом мире.

Анализ критики и развития концепции киборга показал, что «Манифест» Харауэй вызвал оживленные дискуссии и породил ряд важных вопросов. Критики указывали на технологический детерминизм, недооценку социальных и экономических факторов, а также на потенциальные риски, связанные с усилением власти и неравенства в киборг-обществе. В то же время, идеи Харауэй были развиты и переосмыслены другими исследователями, такими как Н. Кэтрин Хейлз (концепция «постчеловеческого тела»), Розы Брайдотти («номадический субъект») и Кевин Уорик (практические эксперименты по киборгизации). Концепция киборга продолжает оставаться актуальной в контексте современных дискуссий о постгуманизме, находя точки соприкосновения с трансгуманизмом и новой материальностью, а также служа инструментом критики антропоцентризма и капитализма.

В целом, концепция киборга, представленная в «Манифесте» Донны Харауэй и развитая в последующих исследованиях, является важным вкладом в постчеловеческую философию. Она предлагает мощный аналитический инструмент для осмысления трансформаций, происходящих с человеком и обществом в эпоху стремительного развития технологий, и ставит сложные вопросы о будущем человечества, о границах человеческого, о соотношении природы, культуры и технологии.

Список литературы:

1. Shelley, M. (2003). *Frankenstein, or the Modern Prometheus*. Penguin Classics.
2. Wiener, N. (1961). *Cybernetics: Or Control and Communication in the Animal and the Machine*. MIT Press.
3. Clynes, M. E., & Kline, N. S. (1960). *Cyborgs and space*. *Astronautics*, 26.
4. Descartes, R. (1998). *Discourse on Method and Meditations on First Philosophy*. Hackett Publishing Company.
5. Spinoza, B. (2002). *Ethics*. Penguin Classics.
6. Nietzsche, F. (2006). *Thus Spoke Zarathustra*. Cambridge University Press.
7. Beauvoir, S. D. (2011). *The Second Sex*. Vintage.
8. Haraway, D. (1991). *A cyborg manifesto: Science, technology, and socialist-feminism in the late twentieth century*. In *Simians, cyborgs, and women: The reinvention of nature*. Routledge.
9. Mussa-Ivaldi, F. A., & Miller, L. E. (2003). *Brain-machine interfaces: computational demands and clinical needs meet basic neuroscience*. *Trends in Neurosciences*, 26 (6).
10. Van Dijck, J. (2005). *The transparent self: Surveillance, visibility, and identity in a digital age*. University of Washington Press.
11. Gray, C. H. (Ed.). (2001). *The cyborg handbook*. Routledge

12. Winner, L. (1986). The whale and the reactor: A search for limits in an age of high technology. University of Chicago Press.
13. Hayles, N. K. (1999). How we became posthuman: Virtual bodies in cybernetics, literature, and informatics. University of Chicago Press.
14. Braidotti, R. (2002). Metamorphoses: Towards a materialist theory of becoming. Polity.
15. Warwick, K. (2004). I, cyborg. University of Illinois Press.

